

IN MEMORIAM

PERFECTUM: НЕСОВЕРШЕНСТВО СОВЕРШЕНСТВА

Борис Соколов

Борис Георгиевич Соколов — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии, философии культуры и эстетики, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-mail: sboris00@mail.ru

В ситуации, когда искусством, по выражение Тьерри де Дюва, может быть все что угодно, что нарекается этим именем, единственно действенным критерием художественного творения может выступать «маркер Совершенства». Но Совершенство художественного объекта — это несовершенное Совершенство, не завершенное, но находящееся в постоянном поиске и проекте. В этом смысле единственно адекватная рефлексивная позиция в отношении произведения искусства — это позиция “*meta*”, которая есть позиция эстетики и философии искусства. Именно такова позиция — позиция Совершенства, *Perfectum* — позиция эстетика, каковым был для автора профессор В. В. Прозерский: эстетик-*par-excellence*, эстетик-*Perfectum*.

Ключевые слова: Совершенство, эстетика, философия искусства

PERFECTUM: IMPERFECTION OF PERFECTION

Boris Sokolov

D. Sc. in Philosophy, Professor; St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
E-mail: sboris00@mail.ru

In a modern situation in which the art, according to Thierry de Duva, can be anything that is called by this name, the only effective criterion for an art object is a “marker of a

Perfection". But the Perfection of an art object is an Imperfection, not a complete Perfection, but a Perfection as a constant search and project. In this regard, the only adequate reflexive position in relation to a work of art is the position of "meta" which takes place in aesthetics and philosophy of art. It is a position of Perfection, *Perfectum* is the position of aesthetics, and position of Professor V. V. Prozersky: aestheticist-par-excellence, aestheticist-*Perfectum*.

Key words: Perfection, aesthetics, philosophy of art

Для меня — наверное, не только для меня — ушедший от нас профессор Вадим Викторович Прозерский был...

Был... — это всегда горько и несправедливо...

В нас постоянно что-то восстает против этого «было», хотя, как все живущие в бытии-к-смерти, мы знаем, что все, что с нами связано, наконец, мы сами, рано или поздно окажется в этой ситуации: «был...», «были...».

Нет, мы, зная, что это — реальность, в которой мы родились и живем, что и о нас (если вспомнят, конечно) будут говорить в Прошедшем времени, не смиряемся, продолжая в нашем Настоящем воскрешать и продлевать в Будущее уже ушедшее Прошлое...

Прошлое, свершенное/завершенное/совершенное Прошлое, *Past Perfect, Perfectum*...

Прошлое — это ушедшее, Прошлое — это то, что совершено и завершено, а значит, и Совершенно... *Past* как *Perfect*... *Past* как *Perfectum*...

И для меня — наверное, не только для меня — ушедший от нас профессор Вадим Викторович Прозерский был эстетик-par-excellence, эстетик-Perfectum...

Увы, уже в тех двух разнесенных в латыни смыслах слова *Perfectum*: Совершенство и совершенное Прошедшее время...

Итак, *Perfectum* — Совершенство...

Именно *Perfectum*, Совершенством, совершенным и завершенным в искусстве, занималась и занимается эстетика, философия искусства, искусствоведение, искусствознание, филология, литературоведение и еще то, что маркировалось со времен Аристотеля поэтикой.

Разные стили, разные подходы, наконец, разные традиции и, конечно, разные слова, но все это об одном: том Совершенстве, которое творится в искусстве.

Разные маршруты и разные слова. Вопрос не только о словах или терминах, или об игре «в слова». Хотя и слова важны: ибо не только мысль отливается в слово, но и каждая эпоха оценивает «в словах», и взвешивает на «чаше весов слов» то, что было Совершенно. Это «взвешивание», «суждение» (суд слов, который взвешивает все «за» и все «против», который пытается понять почему — и осудить или оправдать, но, опять же, на весах слов) осуществляется в горизонте той культуры, в которой все свершается. А потому и слова, термины разные, и не очень получается их свести к единой и вечной номенклатуре. Поэтика — это античность и Средние Века. Эстетика — век восемнадцатый и даже век двадцатый... Философия же искусства — как это ни «необычно» звучит — также и наше время.

Вадим Викторович — эстетик, ибо та эпоха, которая воспитала его и в которой он жил — это эпоха именно эстетики, не философии культуры... по крайней мере формально, по «именованию». Но: эстетика, как тесно связанная с философской рефлексией, всегда философия, философский взгляд на домен искусства, а потому всегда — философия искусства.

Со всеми плюсами, и, конечно, со всеми минусами...:

Ибо философия искусства и эстетика — это всегда определенный взгляд на искусство, это не взгляд искусствоведа или — если идет речь о словесном выражении — филолога. Нет, не лучше, и не хуже: каждый взгляд имеет право на существование, и кому-кому, как не философу, занимающимся искусством — всегда «Совершенным» искусством — в двух упомянутых смыслах — это вменено в обязанность профессионально знать.

Конечно, искусствовед смотрит со своих позиций, может они живее, жизненнее, и более понятны публике, может они даже в чем-то ближе к искусству и художнику. Но этой живости и близости никак не достаточно, если речь идет о том, чтобы оказаться в одной «тональности» с искусством. Именно поэтому нет-нет, да и заглянет искусствовед в то пространство чистой мысли, которая «вроде теряет почву под ногами», но все же дает то, что, с другой точки зрения, с позиций искусствоведа или самого художника, никак не разглядеть... Что

оказывается подчас более существенным, чем история перипетий художников, творений, водоворота страстей и сплетен...

Все это, конечно, давно известно и «проиграно» в различных регистрах и на различных «делянках» искусства и искусствоведения, да и в самой эстетике. Но все же, все же...

Все же... Так же, как вечно меняющееся и ускользающее от концептуальной окончательности искусство постоянно требует новых «слов» и «концептов», позволяющих вписать или включить его в общую культурную ткань и этим оправдать его наличие, так и то деликатное отношение, которое складывается в отношении мысли *par excellence*, философии, с художественным объектом, — это всегда незаконченный — увы, а может быть, ура! — роман, или *романс*...

Несовершенство Совершенства

Не счесть тех задач, которые формулируют перед искусством и творцом различные инстанции от публики и знатоков до заказчиков и государственных надзирателей различного пошиба. Оно, искусство, должно подражать, взывать, воодушевлять, удивлять, воспитывать, формировать и т. д. — до бесконечности. Но все эти цели и задачи подлинное искусство «элегантно» обходит стороной, в лучшем случае, мимикрирует или симулирует, ускользая от любых регламентов и предписаний... Если, конечно, речь действительно идет о подлинном художественном творении. Регистры долженствования и каноны, которым «должно» следовать художественное творение, действуют в лучшем случае лишь применительно к прошлым опытам и творениям, но никак — в отношении настоящего и будущего. Искусство ускользает от любых окончательных регламентов и концептуальных схем, демонстрируя ту неуловимую и парадоксальную Свободу, которая вырастает изнутри нас, и которая, в конечном счете — под титулом ли Ничто (если пользоваться определениями Ж.-П. Сартра), или Случая (отсылая к словам Ф. Ницше) — представляет собой нашу сущность.

Ускользает — и это прекрасно: незавершенность и неопределенность «гарантирует» будущее, обеспечивает свободу, интригует и соблазняет в своей неокончателности... и все же, каким образом, хотя бы в формате Открытого (то есть откры-

вающего «движение», а не завершающего процесс) Вопроса, определить то пространство искусства, которое сохраняет незавершенность и свободу и, одновременно, не растворяет искусство во вселенной человеческого действия?

Искусство — это зона Совершенства, зона *Perfectum*. Ни подражание, ни красота, ни форматирование чувственности, ни чувственное воплощение Идеи не могут нам дать тот маркер-знак, который сразу и окончательно позволит утверждать, что перед нами подлинное художественное творение. Подражание: да сколько мимезиса — от привычки до социальных паттернов — мы можем обнаружить в нашей человеческой реальности... Красота: но уже с самых первых попыток осмыслить то, чем является произведение искусства, красота не являлась тем, что позволило бы опознать искусство в том или ином объекте, феномене, представлении. Уродливое или устрашающее в искусстве «прекрасно» конкурировало с Прекрасным... Подобное можно сказать и относительно той концептуализации, которую предложил Гегель, а именно: искусство как чувственное воплощение Идеи. Не вдаваясь в точное и скрупулезное изложение или критику мысли Гегеля об Идее искусства, можно просто привести несколько примеров того, что чувственное воплощение идеального не гарантирует нам, что находящееся перед нами — это художественный объект. Таких примеров — мириады, от любой вещи или современного гаджета, в которых запечатлена не только идея технолога и маркетолога, но и весь социальный и экономический порядок культуры, до бокала вина и испеченного хлеба, в которых могут быть «вмонтированы» как желание и голод, так и божественный Глагол (причастие)...

А вот Совершенство... с ним, с Совершенством, дело обстоит совершенно иначе... Конечно, если мы имеем перед собой совершенный по манере или мастерству предмет или поступок, то вовсе не обязательно, что этот предмет или поступок — произведение искусства... но вот если перед нами подлинное произведение искусства, то оно с необходимостью должно быть Совершенным, конечно Совершенным «в своем роде», а это «в своем роде» определяется той культурной ситуацией, в которой творит художник. А потому и «совершенная провокатив-

ность» «Фонтана» Дюшана, и не меньшая провокативность социальных актов П. Павленского, которые вряд ли с позиций классической рефлексии оценивались бы как произведение искусства, по сути таковыми являются в новой культурной реальности, где искусство должно быть «провокативным». А потому совершенно прав, и дважды прав Тьерри де Дюв. Прав и в отношении искусства: «искусство, то, что универсально называют искусством, должно мочь быть чем угодно и называться искусством из уст кого угодно» (De Diuv, 2014, 177-178), — и в отношении современной ситуации, которая, упраздняя многие уже пройденные и протоптанные тропы искусства, сохраняет все же самый важный императив искусства:

Делай что угодно, лишь бы это было прекрасно, хорошо сделано, имело смысл, лишь бы ты выражал в этом себя или свою эпоху [...] Или наоборот: делай что угодно, лишь бы это шокировало, лишь бы это бессознательное или бессознательное твоей эпохи, лишь бы это было сложно или герметично, лишь бы это было ново. (De Diuv, 2014, 165-166)

И добавим от себя: лишь бы это было Совершенно!

Итак, Совершенство как маркер искусства. Но это то Совершенство, которое не завершено, ибо искусство всегда — незавершенный проект, сохраняющий в своей незавершенности нашу Свободу, а значит и нас как людей, для которых Свобода — это то, без чего нет нас. И даже в наше время, когда под искусством можно мыслить все, что угодно (процитированный только что императив Тьерри де Дюва — лишь констатация этого факта), именно Совершенство, «проговариваемое» иногда через уникальность, сингулярность (сингулярность, как то, что ни с чем не сравнимо, «совершенно» по определению), но также через тиражированность и постоянную смену позиций, позволяет маркировать предмет, акцию, событие и т. п. как подлинное произведение искусства.

В этом отношении — как зона Совершенства — произведение искусства всегда на пределе, «за», «по ту сторону» (*meta*) обыденного, повседневного, повтора, привычного... Искусство — это территория Совершенства, оно всегда на пределе и за пределом (*meta*), — всегда метафизично. И по причине своей метафизичности оно всегда сущностно и требует к себе

такого же обращения, подхода. Таковы — опять же если речь идет о «конгениальности» и «попадании в зону Совершенства», а не просто о манере или профессиональной принадлежности — тропы эстетики и философии искусства. Искусство и «созвучная» ему мысль должны располагаться и жить в этой зоне Совершенства и двигаться по непредсказуемым маршрутам “*meta*”...

Искусство метафизично... Что означает: оно, искусство, всегда выходит за пределы, обретается по ту сторону, *за*... — прежде всего за пределами себя самого, по ту сторону себя самого. Эта позиция человека и позиция метафизики (как ядра философского вопрошания). Иными словами, метафизичности искусства соответствует лишь тот подход, который сам должен быть метафизичным, то есть выходящим за пределы и оглядывающим Зону Совершенства, с той же самой «позиции Совершенства». Но — Совершенства Несовершенного... Ибо искусство, находясь в Зоне Совершенства, всегда взламывает своим совершенным-несовершенным движением “*meta*” любую окончательность. Искусство Совершенно в своем несовершенстве, в своем экстатическом движении, оно вторит и согласуется с той эксцентричностью зоны человека (или с зоной экс-центричности), которую разглядела еще в начале прошлого века в человеке философская антропология (М. Шелер, Х. Плеснер): центр человека всегда вовне, а потому его существование — это экзистенция, постоянно полагающая свой центр и себя самое во вне, пробрасывающая свою определенность (определенность) в постоянном незавершенном проекте. «Подлинное искусство смеется над искусством» — завещал Роден (Roden, 2014, 11). Оно не завершено в своем Совершенстве...

Искусство потому и не умирает. А рукописи, когда горят, не сгорают... Искусство, не умирает, пока есть взгляд на него, пока оно затрагивает хоть одно «сердце», пока есть мысль о том, в чем его смысл и предназначение, а значит, пока есть «взгляды» эстетиков, которые, подчас противореча друг другу, развивая или опровергая друг друга, совпадают в одном: в прояснении зоны Совершенства, в которой происходит акт творения искусства и его бытийствование.

Итак, искусство как зона Совершенства. Эстетик и философ искусства, «вступая» в эту зону, должен соответствовать ей, а эстетика и философия искусства лишь тогда окажутся способными схватить существенное в этой зоне, если в своей рефлексии они будут «настроены» в той же «тональности» и в той же «динамике» “*meta*”, что и Совершенство зоны Совершенства. Эстетика будет эстетикой, если она не в меньшей степени Совершенна, то есть наиболее адекватна зоне Совершенного несовершенного искусства. И эстетик тоже...

* * *

И именно таким был Прозерский Вадим Викторович: эстетик-*par-excellance*, эстетик-*Perfectum*...

Это не означает, что все, что он говорил, думал, писал, делал как эстетик — «истина в последней инстанции». *Perfectum* эстетика, как *Perfectum* искусства и *Perfectum* эстетики — не завершено, а потому и несовершенно... Как и искусство, эстетика несовершенна в своем Совершенстве в тех, кто благодаря ним вступает в эту зону Совершенства, кто слушает хорал, смотрит на собор или дворец, читает поэму... Эстетика, «повторяя» движение “*meta*” искусства, продляется в тех, кто подхватывает ту мысль, которой она пытается несовершенно уловить Совершенство искусства...

Эстетика живет в тех, кто продолжает мыслить, кто продолжает идти теми тропами, которым шел Вадим Викторович Прозерский... Слушая его, соглашаясь / не соглашаясь с ним, но все же благодаря уже продуманному, прочувствованному и прожитому в зоне Совершенства искусства В. В. Прозерским, мы продолжаем бесконечно прихотливое и непредсказуемое, как само искусство, движение мысли об искусстве...

Ибо только в этом случае, эстетика — это *Perfectum*... и именно тогда она адекватна и соценна зоне Совершенства. Только тогда...

И пускай не обижаются все те, кто все же мыслит об искусстве профессионально (искусствоведы, критики) или просто восторгается им: в той мере, в какой мысль (без различия профессиональной или конфессиональной принадлежности), звучит в унисон с интенцией “*meta*”, она созвучна искусству,

а потому философична. В противном случае она не затрагивает внутренность того, что такое есть искусство, даже если сказано много слов, прочувствовано много восторгов или написано много томов и исследований. Лишь в той мере, в какой рефлексия сущностно совпадает с постоянно выходящим за пределы самого себя проектом искусства, она схватывает то, что такое художественное творение в своей Несовершенной Совершенности.

И эстетик: если он мыслит об искусстве — а это возможно лишь тогда, когда искусство поселяется в его сознании, инфицирует своим несовершенным Совершенством само сознание, размышляющее об искусстве, — он заражен этой зоной Несовершенного Совершенства, вторя движению “*meta*”, которое есть движение самого искусства, в свою очередь откликающегося на ту вечную динамику “*meta*”, которая есть динамика Искусства, жизни и философии искусства....

Это то, чему, собственно говоря, посвятил свою жизнь профессор Вадим Викторович Прозерский

Для меня — эстетик *Perfectum*...

REFERENCES

- De Diuv, T. (2014). *Imenem iskusstva. K archeologii sovremennosti* [In the name of the Art. For an archaeology of modernity]. Moscow: Dom Vysshey shkoly ekomomiki. (In Russian).
- Roden, O. (2014). *Besedy ob iskusstve* [Conversations about art]. Moscow: Azbuka. (In Russian).